

ПРОСЧЕТ НЕВИДИМКИ

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

МОСКВА 2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.
Т17 **Просчет невидимки / Александр Тамоников.** — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-190169-1

1942 год. В конструкторском бюро Горьковского авиазавода разрабатывается новейший советский истребитель. Неожиданно органам НКВД становится известно об утечке секретной информации по этому проекту. Для выявления шпионской сети в Горький направляется группа майора Максима Шелестова. Чтобы вычислить «крота», Шелестов придумывает хитроумную операцию. Сам он прибывает на завод в качестве инженера, а его товарищи внедряются в местную среду под видом... матерых уголовников...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-190169-1

© Тамоников А. А., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ГЛАВА 1

Капитан Мороз сидел в кабинете за своим обшарпанным столом, покрытым зеленым сукном, и с угрюмым видом перекладывал бумаги в картонной папке с завязками. На обложке папки с неопрятными чернильными пятнами значилось «Дело 037». На широких крестьянских руках капитана НКВД, особенно на среднем пальце правой руки, тоже имелись подобные пятна. Не любил Иван Карпович писанину, терпеть он не мог скрипа пера по бумаге, звука, с которым перо тыкается в старую стеклянную чернильницу. Можно было бы, конечно, переложить всю канцелярскую работу на своего помощника лейтенанта Филонова. Но так уж заведено, что раз ты начальник, то должен сам, собственноручно писать рапорты о проделанной работе и проведенных оперативно-следственных мероприятиях и подшивать их в папку. Да и

что писать, когда ничего не понятно, не знаешь, кого подозревать. Можно сутками сидеть за столом и скрипеть мозгами, можно ходить по заводу, только что толку. Раньше при наркоме Ягоде, говорят, проще было. Завел человека в кабинет, в бараний рог скрутил, так тебе любой что хочешь подпишет, да еще и сам красиво придумает, на какого империалистического врага работает. Да только с приходом Берии многих поснимали, а кое-кого и в лагеря упрятали за излишнее рвение. А ведь люди не для себя старались, для дела. Может, где и перегнули палку, так на то и тяжелые времена, враг ополчился на Страну Советов, много врагов вокруг, и внутри Советского Союза не меньше. А мягкотелость, она до добра не доведет. Эх, еще бы знать, где враг сейчас, а то шлют телефонограммы, отчета требуют, а где найти этого врага? Есть ли он вообще на заводе? Откуда о нем узнали в Москве? А раз знают, то прямо бы и сказали. Темнят все, в шпионов играют.

— Разрешите, товарищ капитан?

Молодцеватый, веселый, нос картошкой и все время вроде как от солнца облез. Станный этот лейтенант Филонов. Вроде и парень неплохой, но уж очень выслуживается. Все ему больше других

надо. Вот опять пришел с какими-нибудь планами, предложениями. Снег с шинели не стряхнул, а сразу в кабинет, сразу тараторить начнет. Эх, молодежь, нет в них солидности.

— Ну? — неопределенно спросил Мороз. — Что еще придумал? В отделе кадров, как я велел, ознакомился с делами прибывших на завод начиная с сорокового года?

— Так точно, — кивнув, с энтузиазмом сказал молодой сотрудник. — Я вам на подпись принес запрос на шестерых. Надо проверить их по предыдущему месту жительства и месту работы.

Филонов раскрыл папку и положил перед своим начальником лист бумаги. Он, конечно, понял, что Мороз брякнул так по забывчивости. Не он велел Филонову поработать с делами сотрудников конструкторского бюро. Идея была самого лейтенанта, но теперь это неважно. Лейтенант нетерпеливо переминался с ноги на ногу перед столом Мороза, глядя, как тот изучает список и личные данные всех шестерых. Подозреваемыми их назвать трудно, скорее всего, никто и не станет подозреваемым, понимал Филонов. Но проделать эту работу надо, проверку такую провести тоже необходимо. Но его волновало больше другое.

— Иван Карпович, нам надо провести оперативную разработку, — вкрадчиво заговорил Филонов. — Я тут схему придумал одну...

— Ты, Паша, куда несешься, как телок двухмесячный! — проворчал капитан. — Надо поразмыслить, понять, а тебе все бы кидаться в дело как в омут с головой. А если враг и вправду есть? А как спугнем мы его твоими необдуманными и поспешными действиями? Кому отвечать, коли он сбежит? Вот, то-то! Мне и отвечать!

— Не спугнем, Иван Карпыч, — заверил Филонов, — точно докажем вредительство.

— Ты бы вон поменьше якшался с дочкой викуловской, — недовольно ответил капитан. — Ты на службе, а на службе с этими делами ни-ни.

— Так я в нерабочее время, товарищ капитан! — улыбнулся молодой человек.

— А ты всегда на службе, — тоном учителя заявил Мороз. — Война, милоч! Ты ночью спишь, а все равно как на службе. После войны шашни будем разводить. А как выяснится, что инженер Викулов вредитель, предатель, тогда что делать будем? Не зря он погиб, сдается мне, что сбежать хотел, да не все получилось у него! Чего ты не разрабатываешь инженера Викулова как главного подозреваемого? Из-за девки голову потерял?

— Да не подозреваемый он, что вы, в самом деле, Иван Карпыч...

— Как не подозреваемый? — возмутился Мороз. — Он рядом с установкой оставался, когда она взорвалась, что он там сделал, ты знаешь? Над двигателем трудился весь коллектив, создавал его, совершенствовал, а он вдруг ни с того ни с сего взорвался!

Филонов только махнул рукой, решив не начинать снова бессмысленный спор. Даже начальство в Москве отреагировало на рапорт Мороза вполне спокойно потому, что к нему были приложены объяснения ведущих инженеров. Взрыв мог произойти из-за микрораковины в стенке камеры сгорания. Определить этот заводской дефект отливки можно только специальной аппаратурой, но на настоящий момент ОКБ-21 такой аппаратурой не располагает. Но Мороз упрямо считает, что Викулов что-то подстроил в двигателе, когда остался один рядом с ним во время прогона на больших оборотах.

Вообще-то, Иван Карпович и сам понимал, что подозревать погибшего инженера оснований почти нет. Ну, если только как обычно, в порядке отработывания версии его возможной причастности к делу. Но уж никак не в качестве главного

подозреваемого. Мороз сложил документы в старый, еще дореволюционный засыпной сейф и отправился домой, в свою холодную холостяцкую квартиру, выделенную ему по просьбе начальства. До работы здесь Мороз служил оперативным работником в одной из колоний Северлага. Там все было по-другому, и контингент был другой, и методы работы тоже. Но он получил ранение, последовала рекомендация медкомиссии сменить климат. И вот капитан НКВД Мороз отправлен в Горький, а потом война, а потом...

Раздался стук в дверь, она распахнулась. На пороге стоял Михалыч.

— Можно к тебе? — спросил он и, постукивая палкой об пол, сильно припадая на правую ногу, вошел в кабинет.

Как его звали, Мороз не помнил. Как-то так повелось с первого дня их случайного знакомства, что стал он звать этого фронтовика-инвалида просто Михалычем. Кажется, у того палка укатилась по льду, и Мороз поднял ее, подал мужчине. А тот пожал ему руку. Сильное было рукопожатие, мужское. Не чувствовал он себя убогим, не осуждал молча всех мужчин, кто работал в тылу, а не воевал на передовой. Умный мужик, дельный и рассуждал правильно. Что про политику партии,

что про планы генералов, что про фашистскую Германию. Так и подружились. Сблизило этих двух разных людей, скорее всего, то, что Михалыч понимал Ивана Карповича как никто другой. Понимал и слушать умел и слова нужные находить. Пить с ним было интересно, по-мужски приятно. Приятно было с ним выпить, поговорить, душа теплела. Только русский человек, по-настоящему русский, понимает эту неуловимую разницу между понятиями пить и выпить! С Михалычем было хорошо выпить, а не сидеть и пить, вот в чем секрет!

— Заходи, — вздохнул Мороз. — Ты, я смотрю, тоже сегодня не шибко веселый.

— Веселья в наше время мало у народа. Живой, вот и радость, дом уцелел — счастье. — Михалыч проковылял к столу и выставил на газету бутылку «Московской». — Вот, удалось выменять на старый пиджак. У меня, Иван Карпыч, дружок месяц назад погиб. Письмо вот только сегодня пришло. Полтора года под одной шинелью, из одного котелка...

— Да ты садись, садись, — похлопал фронтовика по плечу Мороз. — Сейчас и закуску сообразим.

Не пожалел Иван и банки тушенки, что осталась с прошлого офицерского пайка. Вскрыл, поставил на спиртовую горелку разогреваться.

Черный хлеб, сало, луковица, чем еще порадовать гостя в военное время... Подняли стаканы, посмотрели друг другу в глаза. За мертвых пьют молча, вот молча и выпили, каждый подумав о своем. Постепенно языки развязались. Мороз стал жаловаться на свое житье-бытье, Михалыч понимающе поддакивал, сокрушенно покачивал головой. Да, на фронте порой проще: там сразу ясно, где враг, а где друг, там все линией фронта и разделено. А в тылу порой голову сломать можно, чтобы разоблачить врага. Там на немецком говорит, значит, враг, а тут-то все по-русски разговаривают, одеваются одинаково, паспорта имеют советские, жен, детей.

Михалыч слушал, покуривая самокрутку из дешевой магазинной махорки, кивал, вздыхал да пожимал плечами, руками разводил. Мол, понимаю тебя, сочувствую, да только не моего это ума дело. Ясно, что врагов в своем тылу трудно ловить. Это тебе не на передовой, когда лежишь в окопе и стреляешь по наступающим фрицам, когда справа и слева друзья и соратники, плечом к плечу. И в атаку поднимаешься со своими плечом к плечу. А здесь... И подвыпивший Мороз только пальцем тыкал, чтобы подчеркнуть свою правоту. Вот ты меня понимаешь. Думаешь, на завод только совет-

ские инженеры хотят попасть да рабочие умелые? Ясно, что завод бронь дает, там ценные кадры важнее. Самый толковый и знающий инженер и конструктор там больше пользы принесет, чем на передовой с винтовкой. Голова, она и в Африке голова, она для победы ценность имеет большую.

— Да, голову ценить — это уметь надо, — согласился Михалыч и снова расплескал по стаканам водку. — Оно ведь как на фронте? Коли командир толковый, с головой, значит, так и солдат сбережет, и боевую задачу выполнит. А там, глядишь, и ему медаль, и подчиненным его тоже. Умный командир в цене что в тылу, что на фронте. Вот, скажем, идет наступление, а впереди болота. И командир собирает мужиков и спрашивает, а кто у вас про топи знает, у кого на родине они были, кто знает, как обращаться с ними? И советуют ему опытные бойцы, подсказывают, значит. Каждый ведь свое дело больше других знает!

— Так а я о чем! — хлопнул ладонью по столу Мороз, распаяясь еще больше от того, что собеседник его правильно понимает. — Вот ты, Михалыч, и просто солдат, а мужицкая мудрость есть в тебе. Я же чего и толкую. Я тут не первый день на заводе этом, тут понимание нужно, людей этих, тонкостей всяких заводских. А они нороят все

из Москвы прислать кого-то, чтобы меня учить.
Кого? Меня учить?

— Понимаю, начальство к тебе едет... — про-
бормотал фронтовик.

— Да кабы начальство... — обреченно махнул
рукой Мороз. Глаза его слипались от усталости,
от выпитого с мороза.

Платов поднял голову, увидев входящего в ка-
бинет Шелестова, поднялся из-за стола пожать
руку. Остановил доклад и кивнул в сторону кре-
сла у окна.

— Садись, Максим Андреевич. Дам тебе почи-
тать одну бумагу, чтобы лишних вопросов у тебя
не возникало.

С этими словами Платов взял со стола бланк
постановления Государственного комитета оборо-
ны и протянул Шелестову. Тот удивленно посмо-
трел на комиссара госбезопасности, как тот кива-
ет, усаживается в кресло напротив, и начал читать.
Текст постановления был несколько необычным,
видать, составляли его прямо со слов Сталина,
а сам Иосиф Виссарионович в тот момент был,
мягко говоря, взбешен. Текст постановления от
4 февраля 1942 года ГКО-124с гласил:

Москва, Кремль

*1. Распределение обязанностей между членами
Государственного комитета обороны*

*Тов. МОЛОТОВ В. М. Контроль за выполнением
решений ГКО¹ по производству танков и подготовка
соответствующих вопросов.*

*Тт. МАЛЕНКОВ Г. М. и БЕРИЯ Л. П. а) Конт-
роль за выполнением решений ГОКО по производству
самолетов и моторов и подготовка соответствующих
вопросов;*

*б) Контроль за выполнением решений ГОКО по
работе ВВС КА (формирование авиаполов, свое-
временная их переброска на фронт, оргвопросы и
вопросы зарплаты) и подготовка соответствующих
вопросов.*

*Тов. МАЛЕНКОВ Г. М. Контроль за выполнени-
ем решений ГОКО по Штабу минометных частей
Ставки Верховного главнокомандования и подготов-
ка соответствующих вопросов.*

*Тов. БЕРИЯ Л. П. Контроль за выполнением ре-
шений ГОКО по производству вооружения и миноме-
тов и подготовка соответствующих вопросов.*

*Тов. ВОЗНЕСЕНСКИЙ Н. А. а) Контроль за
выполнением решений ГОКО по производству бое-
припасов и подготовка соответствующих вопросов;*

¹ Государственный комитет обороны.

б) Контроль за выполнением решений ГОКО по черной металлургии и подготовка соответствующих вопросов.

Тов. МИКОЯН А. И. Контроль за делом снабжения Красной Армии (вещевое, продовольственное, горючее, денежное и артиллерийское) и подготовка соответствующих вопросов.

Подчинить контролю члена ГОКО т. Микояна все органы снабжения НКО по всем видам снабжения и транспортировки.

Утвердить заместителем члена ГОКО т. Микояна по артиллерийскому снабжению тов. Яковлева.

2. Каждый член ГОКО должен иметь заместителя по контролю выполнения наркоматами решений ГОКО по порученной ему отрасли работы.

Председатель Государственного комитета обороны И. СТАЛИН

— Ну? — неуверенно спросил Шелестов, возвращая Платову документ.

— Подскажу, — кивнул комиссар госбезопасности. — Еще в декабре сорок первого года Сталин отдал Наркомат авиационной промышленности под контроль Берии и Маленкова. Маленков — член ЦК партии, Маленков курирует авиационную промышленность еще с сорок первого года, Маленков курировал создание нового вида

оружия — реактивных минометов, он курировал создание первых подразделений и... Теперь вместе с ним курировать авиационную промышленность поставлен Берия. Причем ты обратил внимание, Максим Андреевич, что в документе не сказано, кто старше, кто младше, не разделены обязанности, не расставлены приоритеты. Имей просто в виду, когда Лаврентий Павлович будет тебе ставить задачу, что Берию Сталин ввел дополнительно как ответственное лицо курировать авиационную промышленность. То есть подключил аппарат НКВД к контролю. Не берусь судить, посоветовался Сталин перед этим с Берией, была это инициатива самого Берии или для него данное решение — полная неожиданность. Но факт остается фактом. Руководство страны понимает всю опасность утечки информации из ведущих КБ авиационной промышленности.

— Понимаю, — медленно ответил Шелестов.

— Хорошо, что понимаешь, — строго заключил Платов. — Сталин обязал Маленкова и Берию принять все необходимые срочные меры для развертывания производства самолетов. И обязал наркома авиационной промышленности и его заместителей беспрекословно выполнять все указания Берии и Маленкова. Не исключаю, что

вы там можете столкнуться с противодействием. Если Сталин решил столкнуть Маленкова и Берия, потому что Маленков стал слишком самостоятельным, слишком возомнил о себе, то и его подчиненные вполне могут поддерживать своего руководителя в его мнении.

— Черт, простите, Петр Анатольевич, но я не понимаю, в чем наша задача. Слишком много политики и мало информации о нашей задаче.

— Не могу я наперед начальства забегать, — усмехнулся Платов. — Сначала вам задачу поставит сам Берия, в детали группу посвящу уже я.

Дверь распахнулась, и в кабинет вошел Берия. Он прошел к столу быстрым твердым шагом, пожал Шелестову руку и уселся на стул у стены, забросив ногу на ногу.

— Так, твои ребята, Максим Андреевич, я вижу, в сборе. — Нарком кивнул на дверь, где на стульях в коридоре скучали члены группы. — Отлично. Времени мало, а сделать нужно еще очень много. Буду краток! Твоя задача сегодня же вылететь с группой на Волгу в Горький. Объект — двадцать первый завод, где производят самолеты конструкции Лавочкина. Производят их и в других городах, на других заводах, но именно на заводе

в Горьком располагается конструкторское бюро, мозг, там рождаются все усовершенствования, изменения и дополнения, за которыми охотится вражеская разведка. Самолет «ЛаГГ» уже сейчас некоторыми специалистами оценивается как лучший самолет этой войны. И он станет лучшим, если мы не дадим врагу навредить, украсть наши секреты, тайну наших разработок и новых направлений. В ОКБ-21 проектируется новейший самолет «Ла-7». Так что ваша задача проста и конкретна: нужно найти канал утечки информации, найти предателя на заводе и любой ценой, повторяю — любой ценой, в кратчайшие сроки устранить утечку секретной информации из ОКБ-21. Все, успеха вам! В детали вас посвятит Петр Анатольевич.

Берия поднялся со стула, пожал руку Шелестову и таким же энергичным шагом покинул кабинет. Платов велел пригласить остальных оперативников. И, когда все расселись, еще раз коротко изложил суть задания.

— А что, утечка действительно имеет место быть? — сразу же осведомился Сосновский. — Какого характера, в каких объемах? По характеру информации, которую получает враг, можно определить и место, и возможности агента или предателя.

— Имеет, — терпеливо ответил Платов. —
Иначе бы мы не стали так нервничать. У немцев
появились сведения о новых разработках наших
ученых в области впрыска топлива при отрица-
тельных температурах воздуха, в области меха-
низации крыла. Человек, который добывал эти
сведения, понимал их ценность, он был оснащен
современными средствами копирования, он имел
доступ к заводским средствам копирования чер-
тежей.

— Что за аппаратура для фотосъемки? — ожи-
вился Сосновский.

— По нашим данным, судя по специальной фо-
топлёнке, это мини-камера шведского инженера
Магнуса Нейла. Еще до войны английская ком-
пания Houghtons экспериментировала со встра-
иванием камеры в различные бытовые вещи.
Например, карманные часы. Там используется
специальная рулонная 17,5-миллиметровая плен-
ка в кассетах. Она делает двадцать пять изобра-
жений размером шестнадцать на двадцать пять
миллиметров. Вся конструкция у них умещалась
в корпус часов диаметром пятьдесят пять милли-
метров и глубиной в двадцать один.

— Да, задача серьезная, — покачал головой Бу-
торин и по привычке пригладил рукой свои седые,

«ежиком» волосы. — Мы тут дело имеем не с простым вредителем, не с подкупленным мерзавцем. Тут работает серьезный разведчик, который умело вербует себе помощников. И их так просто не вычислить.

— Нужен какой-то хитрый ход, — поддакнул Коган, — нестандартное решение. — Темные глаза бывшего следователя особого отдела возбужденно заблестели. И даже его большой нос, казалось, хищно заострился. — Мало что нам даст приезд официальной оперативной группы НКВД. О нас сразу узнают, каждый наш шаг будет на виду. Немец сразу поймет, что мы по его душу, и он ляжет на дно, заморозит все контакты.

— Но и без проведения официальной работы тоже нельзя. Нам ведь нужно допрашивать свидетелей, с руководством как-то контактировать, — вздохнул Шелестов. — А еще, там ведь свои оперативники есть, кто курирует завод, конструкторское бюро, кто обеспечивает режим секретности.

— Увы, оперативники есть, — согласился Платов. — Я навел справки, насколько это мне удалось сделать быстро и так, чтобы оперсостав не узнал об этом. Их там двое. Старший — капитан Мороз Иван Карпович. Упертый, суровый мужик из крестьян. К сожалению, недалекий, но исполни-

тельный и надежный. За советскую власть любому глотку порвет. Он раньше служил в Северлаге, оперативником на зоне. Опыта контрразведывательной работы никакого. Какой дурак его поставил на военный завод, я не знаю, да и неважно это теперь. Снимать поздно, враг может это заметить и расценить правильно.

— А второй? — спросил Шелестов.

— Второй тоже не подарок, хотя его использовать можно с большей пользой. Молодой лейтенант, зовут Павел Филонов. Оперативного опыта нет, горяч и инициативен. Эту бы энергию и на пользу дела, но Мороз его все время тормозит и не дает себя проявить. То ли осторожничает, то ли боится, что Филонов его «подсидит».

— А что? — поинтересовался Коган. — Не подсидит?

— Филонов трижды писал рапорты об отправке его на фронт, но руководство его рапортам хода не давало. Сейчас он написал рапорт в четвертый раз, и его просьбу хотели удовлетворить, но я решил пока остановить этот процесс.

— А может, отпустить парня, раз так рвется, — предложил Сосновский. — И для нас неплохой вариант — приезжает новый человек вместо Фи-